УДК 930.2

С.А. Васильева, И.М. Эрлихсон

«НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ» (О ПЕРСПЕКТИВАХ МЕТОДОЛОГИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» И «ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК» В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИСТОРИКО-ПЕНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ)

В статье представлен краткий экскурс в область развития «культурной и интеллектуальной истории», а также обзор зарубежных исследований, которые посвящены английской уголовно-исполнительной системе Нового времени и созданы с учетом тенденций и специфики современной историографии. Анализ данных работ, в каждой из которых в большей или меньшей степени применяется методологический аппарат «культурной и интеллектуальной истории», демонстрирует потенциал последней для отечественных пенологических исследований, традиционно сводящихся к истории правовых норм и институтов. В истории отечественной уголовно-исполнительной системы до сих пор преобладает политико-юридический подход, что сужает предметное поле пенитенциарной истории Российского государства. По мнению авторов, применение методологии «новой культурной истории» дает возможность расширения предметной области отечественной пенологии в плоскость социальных и интеллектуальных категорий и рассмотрения проблемы функционирования уголовно-исполнительной системы в различные исторические периоды с учетом сопутствующих им политико-экономических и социокультурных контекстов.

интеллектуальная история, культурная история, идеи, история ментальностей, дискурс, социальные практики, пенология, тюрьмоведение.

Одним из следствий «культурного поворота», который пережила историография в середине XX века, стало смещение исторических исследований в интердисциплинарное пространство. «Глобализация, неразрывно связанная с коммуникативными процессами, включая коммуникацию идей, поставила на повестку дня новые вопросы и для тех, кто занимается изучением аналогичных процессов в историческом измерении, в том числе в пространстве культурно-интеллектуальной истории» [1].

Классик интеллектуальной истории, американский философ и историк А.О. Лавджой, автор книги «Великая цепь бытия» (1936), основатель издания “Journal of the History of Ideas” (1940), полагал, что, изучая любую произвольно взятую концепцию прошлого, историк уподобляется химику: он проникает в ее структуру, вычленяет и анализирует элементы (*идеи*) и реконструирует среду обитания (*исторический контекст*). «Обратившись к какой-либо элементарной идее, вычленив ее, историк стремится проследить ее развитие не в одной только области, где она так или иначе представлена, а во многих, если не во всех – как бы эти области не назывались: философия, наука, литература, изобразительное искусство, религия или же политика… Данный постулат покоится на убеждении в том, что между этими сферами существует гораздо больше взаимосвязей, чем это обычно принято полагать, что одна и та же идея нередко проявляется, пусть и трудно узнаваемой, в самых разных областях интеллектуального мира» [2]. По справедливому утверждению Л.П. Репиной, «исторический контекст, как ситуация, задающая не только социальные условия любой деятельности, но также конкретные вызовы и проблемы, которые требуют разрешения в рамках этой деятельности» [3], одержал убедительную победу в объяснительных моделях современной историографии.

Дальнейшее развитие интеллектуальной истории связано с именами основоположников школы «Анналов» – М. Блоком и Л. Февром. «Интеллектуальной истории, которая базировалась на изучении неукротимых умов и ни на что не опирающихся идей, они противопоставили историю коллективных представлений, ментального оснащения и интеллектуальных категорий, имеющих

[1] Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии // Харківський історіографічний збірник. 2010. Т. 10. С. 13.

[2] Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. URL : http://www.psylib.org.ua/books/lovejoy/txt01.htm (дата обращения: 10.06.2017).

[3] Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. Вып. 25-1. С. 6.

© Васильева С.А., Эрлихсон И.М., 2017

всеобщее распространение в данную эпоху» [4], тем самым проложив дорогу истории ментальностей, которая произвела настоящую революцию в употреблении термина «культура». Историки и социологи отходят от взгляда на культуру как «отражение общества, надстройку, что-то вроде сахарной глазури на торте», и начинают рассматривать ее с антропологических позиций, включая в вышеозначенное понятие как высокую культуру, так и «культуру повседневности, то есть обычаи, жизненные ценности и образ жизни, стихийные представления и чувства, которые тут явно предпочитаются идеям и системам мысли» [5]. Согласно определению Клиффорда Гирца культура – «исторически передаваемая система значений, воплощенная в символах, система унаследованных представлений, выраженных в символической форме, посредством которых люди передают, сохраняют и развивают свое знание жизни и отношение к ней» [6].

Интерес к культуре, культурной истории и «культурным исследованиям» со всей очевидностью проявился в 1980–1990-е годы, а сам термин «новая культурная история» вошел в научный оборот с легкой руки Линн Хант, составившей в 1987 году сборник материалов конференции «Французская история: тексты и культура» (Калифорнийский университет, Беркли). «“Практики” – один из лозунгов новой культурной истории: история религиозных практик вместо теологии, история речи вместо лингвистики, история экспериментов вместо научной теории» [7].

В настоящий момент в современной исторической науке теория и практика историописания явственно дистанцировалась от статичной истории норм и институтов в сторону истории социальных и культурных практик. Представляя базовые принципы «новой социальной истории», Л.П. Репина обращает внимание на важнейший постулат: «практики [социальные и культурные] развиваются в рамках институтов, в соответствии с нормами и ограничениями разного порядка, под контролем власти, но они, в свою очередь, *являются источником мутаций институтов* (выделено нами. – *С. В., И. Э.*), замещения норм и производства новых властных отношений. Так формулируется концепция “культурной истории социального”, центральным вопросом которой является соотношение между нормами, представлениями (репрезентациями) и практиками» [8].

Отечественная (советская!) историография, соответствующая периоду возникновения обозначенных школ, по объективным причинам развивалась обособленно от европейских новаций, хотя методология, разрабатываемая «школой семиотики» (Ю. Лотман) и философом М. Бахтиным, двигалась практически параллельным курсом. По признанию отечественных историков 1990-х годов «идейное объединение Школы семиотики, направления М.М. Бахтина в литературоведении и наработок историков ментальностей (во Франции и, десятилетием позже, в Германии) могли бы стать прорывом в новом понимании исторической реальности. Однако “железный занавес” между СССР и Западом, жесткие идеологические и политические барьеры, отделившие российских гуманитариев от новых тенденций развития мировой науки, помешали объединению и обрекли историков в СССР на отставание, которое они пытаются преодолеть лишь в последнее десятилетие» [9]. Таким образом, для современного российского исследователя «прорыв в новом понимании исторической реальности» представляет интересную научную задачу и заманчивую перспективу. Направление «интеллектуальной истории» активно развивается в отечественной исторической науке, междисциплинарные исследования координируются Российским обществом интеллектуальной истории (создано в 2001 году), представленным практически во всех регионах нашей страны.

Еще одним динамично развивающимся направлением современной исторической науки является историческая пенология. Пенология (англ. penology, от лат. poena – наказание, гр. logos – наука) как учение об исполнении наказания и научная дисциплина, которая на эмпирической основе разрабатывает оптимальные санкции наказания с целью исправления и ресоциализации преступника, возникла в начале XIX века как сугубо практическая отрасль социального знания. В дореволюционной России эта наука именовалась более конкретно «тюрьмоведение». Современная

---

[4] Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. URL : http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html (дата обращения: 10.06.2017).

[5] Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. URL : http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html (дата обращения: 12.06.2017).

[6] Гирц К. Интерпретация культур : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. С. 89.

[7] Берк П. Историческая антропология …

[8] Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии. С. 21.

[9] Пушкарев Л.Н., Пушкарева Н.Л. Ментальность (менталитет) // Энциклопедия «Кругосвет». URL : http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010513/1010513a1.htm (дата обращения: 23.04.2017).

пенология значительно расширила объект исследования, выйдя далеко за пределы тюремных стен, и занимается научным обоснованием оптимальных санкций наказания правонарушителей, разрабатывает теорию предупреждения преступлений и меры психолого-педагогического воздействия на осужденных. Соответственно историческая пенология занимается изучением пенологических доктрин и их эффективности, исследованием эволюции как самих доктрин, так и пенитенциарных систем, созданных на их основе. В современной отечественной историографии междисциплинарное научное направление исторической пенологии явно не обозначено, а фрагментарные работы в данной области представляют собой обособленные исследования, для которых характерно использование методологических подходов, заложенных еще отечественными тюрьмоведами XIX – начала XX века Д. Тальбергом [10], М. Фойницким [11], С. Познышевым [12], М. Гернетом [13]. Эти, несомненно, выдающиеся и талантливые юристы и правоведы, на десятилетия «проложили колею» для отечественных историков права, занимающихся изучением пенитенциарных преобразований, из которой современному историку не так просто выбраться. Исследователи истории отечественной уголовно-исполнительной системы А. Печников [14], Ю. Реент [15], В. Алексеев [16] и другие продолжают развивать политико-юридический подход в исследовании тюремной системы Российского государства. Воспользовавшись метафорической терминологией Ж. ле Гоффа можно заключить, что подобная нормативистская история тюрьмы как определенного социального института является «становым хребтом» современного отечественного исторического тюрьмоведения. Используемый в истории права нормативистский подход превращает современное отечественное историческое тюрьмоведение в историю норм, санкций, законов и постановлений.

На наш взгляд, применение методологического арсенала «социальной истории культурных практик» и «интеллектуальной истории» позволит отечественным историкам рассмотреть проблемы, связанные с функционированием уголовно-исполнительной системы на нескольких уровнях исследования: индивидуального поведения, институциональных отношений и общественного дискурса. Это значит пересмотреть предметное поле пенитенциарной истории, рассмотреть этот социальный институт и связанные с ним властные отношения в контексте повседневной жизнедеятельности исторических акторов – арестантов, сотрудников, пенитенциарных реформаторов и пр.

Авторы данной статьи ставят целью познакомить российского исследователя с некоторыми новациями методологических подходов в изучении истории пенологии в зарубежной историографии. В качестве показательного примера рассмотрим новейшие работы, тяготеющие к методологии «новой культурной истории». В 2000 году в издательстве Кембриджа вышла работа современного британского историка Малкольма Гаскилла «Преступление и ментальность англичан раннего Нового времени» [17]. Автор уже названием монографического исследования обозначил как приверженность методологии истории ментальностей, так и те социально-культурные практики, которые подверг детальному анализу. Формулируя главную цель своего труда, Гаскилл обращает внимание на лакуну в историографии истории уголовно-исполнительной системы Англии Нового времени, связанную с утратой мира социальной истории, который был затенен тщательно выписанной политической и экономической историей (характерная черта современной историографии истории российской уголовно-исполнительной системы!!!). В истории реформирования английского уголовного правосудия, убежден Гасскил, преобладает «количественное» описание: спектр доступных исторических источников (статуты, законы, приговоры по уголовным делам и пр.) позволил представить статистическое измерение рассматриваемого вопроса. В своем исследовании посредством реконструкции ментальных паттернов, обуславливающих совершение преступления и ожидание наказания, он попытался «восстановить утраченный мир социальной истории англичан» раннего Нового времени,

---

[10] Тальберг Д.Г. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем. К., 1875.

[11] Фойницкий М.Я. Учение о наказаниях в связи с тюрьмоведением. М., 1889.

[12] Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923.

[13] Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951–1956. Т. 1–5.

[14] Печников А.П. Организационно-правовые основы управления тюремными учреждениями в Российском государстве (1649 – октябрь 1917 г.). М., 2012.

[15] Реент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России (1879–2009). М., 2009.

[16] Алексеев В.И. Методологические аспекты изучения российской пенитенциарной политики (1872–1917 гг.) // Вестник Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 2. С. 188–193.

[17] Gaskill M. Crime and Mentalities in Early Modern England. Cambridge, 2000.

воспроизвести поведенческие стереотипы и мировоззренческие установки, касающиеся отношений к религии, государству, политике, окружающим людям, обществу, семье и т.д. Гаскилл обозначает факторы, которые, на его взгляд, оказывали детерминирующее влияние на ментальность англичан Нового времени, определяя габитус – «систему прочных приобретенных предрасположенностей». К этим факторам историк относит Реформацию и особенности английской религиозности, специфику государственного развития, процессы секуляризации и десакрализации повседневной жизни и изменения в социальных отношениях и культурной самобытности [18]. По мнению исследователя, эти факторы формировали элементы габитусов исторических акторов (их установки сознания, идентичности и поведенческие стереотипы) в рамках нескольких поколений, относящихся к Новому времени.

Источниковая база, к которой историк обращается для реконструкции ментальной динамики, анализируется на трех уровнях. На первом интерпретируются нормативные источники (статуты, уставы, законы, предписания, акты), в которые, по мнению Гаскилла, заключены политические (правовые), моральные, идеологические и религиозные идеалы, ценности и принципы. Л. Репина доходчиво объясняет этот первый этап историописания «новой интеллектуальной истории», когда сначала «реконструируются отдельные аспекты поведения индивида, которые формировали его предположительно нормативную, санкционированную обществом модель, включая широкий репертуар символических действий» [19].

На втором уровне Гаскилл обращается к «интеллектуальным источникам» – литературным этюдам и балладам, философским эссе, мемуарам и эпистолярным источникам. Здесь исследователь обращается к методологии школы «истории идей», однако частично признает ее ограниченные возможности. Во-первых, рассуждает исследователь, этот источник представляет позицию малой (образованной или интеллектуальной) части общества, во-вторых возникают сложности с разделение того, что авторы текстов говорили и писали от того, «что они на самом деле имели в виду». Интерпретация данного корпуса источников тяготеет к «крену» в создание истории интеллектуалов, а Гаскилл, как известно, ставит в исследовании несколько иную задачу. В этой связи настоящий исследовательский интерес и бесспорную ценность в воссоздании истории «рядового человека» для автора представляют источники третьей группы, в которую включены дела уголовно-исполнительного производства (показания истцов, свидетелей и ответчиков, вердикты присяжных, содержание обвинительных заключений и судебных казусов). Историк фокусирует внимание именно на этой группе источников, которые наилучшим образом отражают бытие простых людей, обеспечивают детальное понимание «социального фона» преступности. В трактовке Л. Репиной на данном этапе «исследователь обращается от идеала к реальности, к детализированному описанию и анализу… конкретного межличностного взаимодействия в изменчивых и всегда непредвиденных обстоятельствах, с целью выяснить наличие или отсутствие каких-либо сдерживающих, заданных обществом правил» [20]. Таким образом, эвристический метод, примененный М. Гаскиллом в историко-пенологическом исследовании начала XXI века, в теории хорошо знаком современным российским историкам, что позволяет выразить надежду на появление подобных работ в историографии отечественной социальной истории.

Еще одна работа, с которой хотелось бы познакомить российских специалистов пенитенциарной истории – исследование канадского историка Лори Тронесса «Протестантское чистилище: теологические основы Пенитенциарного акта 1779 года» [21]. Критики назвали эту работу «громким» вкладом в интеллектуальную историю пенологии XVIII века [22]. В первую очередь, безусловно, обращает на себя внимание источниковая база исследования: более чем на 65 страницах представлена обширная библиография – богословские тексты, проповеди, памфлеты, эссе, поэмы, баллады, трактаты и другие источники конца XVII–XVIII веков, которые позволили автору «услышать голоса современников пенитенциарной реформы XVIII века, чтобы понять, что на самом деле задумывали законодатели» [23]. Л. Тронесс скрупулезно реконструирует историю религиозного сознания и мышления англичан Нового времени как историю верований, идеалов, представлений и опасений, разделяемых духовенством и мирянами. По мнению историка, в этих ментальных рамках

---

[18] Gaskill M. Crime and Mentalities … P. 10.

[19] Репина Л.П. Теоретические новации в современной историографии. С. 24.

[20] Там же. С. 24–25.

[21] Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008.

[22] Smith G. Review of A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. (review no. 882). URL : http://www.history.ac.uk/reviews/review/882 (дата обращения: 28.04.2017).

[23] Throness L. A Protestant Purgatory … P. 8.

следует искать интерпретационные модели тюрьмы как репрезентации чистилища – места и условия нравственного исцеления и обращения преступника-грешника. Л. Тронесс выявляет генезис идей реформирования системы уголовного правосудия в евангельских текстах конца XVII – начала XVIII века, чем оспаривает авторство и первенство идей пенитенциарного исправления, по общему признанию принадлежащих основоположникам классической пенологии Ч. Беккариа, И. Бентаму, У. Блекстону и Дж. Говарду. Исследователь находит подтверждение «мощному» влиянию христианского мировоззрения англичан эпохи Нового времени на базовые принципы английской пенитенциарной реформы: длительное тюремное заключение с целью исправления – «вариация» земного чистилища, переход к практике труда арестантов – идея искупления и обращения. Методологические приемы, к которым обращается Л. Тронесс, в целом соответствуют модели «новой культурно-интеллектуальной истории», которую Л. Репина трактует как интерес «к историческим категориям мышления, интеллектуальной деятельности и продуктам человеческого интеллекта, а также к историческому развитию интеллектуальной сферы (включая ее художественные, гуманитарно-социальные, натуралистические, философские компоненты) в рамках общекультурной парадигмы» [24]. В такой интерпретации в исследовательское поле новой культурно-интеллектуальной истории включен и анализ разнообразного мыслительного инструментария, и изучение всех форм, средств, институтов (формальных и неформальных) интеллектуального общения, а также их взаимоотношения с «внешним» миром культуры.

Третье исследование, к которому мы обратимся, основано на методе лингвистического анализа дискурса английских пенитенциарных реформ XVIII столетия. Ф. Хардман в диссертационном исследовании «Истоки тюремной реформы конца XVIII века в Англии» [25] обращается к «языку реформы» на государственном и местном уровнях, анализируя «риторику власти» – призывы к реформе и «просвещенный оптимизм», которым эти призывы сопровождались. Данная работа, на наш взгляд, наиболее гармонично вписывается в методологическом отношении в парадигму «интеллектуальной истории», так как автор интегрирует идеи и тексты в политический и социально-культурный контекст и «представляет мысль в динамике – как ответ на конкретные проблемы и меняющиеся ситуации» [26].

В отличие от Л. Тронесса, углубившегося в религиозный дискурс, Ф. Хардман прослеживает «язык реформы» в политических дебатах и публицистической деятельности интеллектуалов эпохи. Автор исследования стремилась показать, как в риторике реформ отразились идеалы Просвещения, формирующийся утилитаризм, меркантильная заинтересованность в эффективности нового социального института – тюрьмы и, безусловно, христианские идеалы англичан Нового времени. Таким образом, признавая активную роль языка и текста, Ф. Хардман вписывает в социально-культурную историю английских пенитенциарных реформ еще одну страницу, которая демонстрирует возможность использования анализа нарративных структур в конструировании исторической реальности.

В настоящее время междисциплинарных исследований по истории пенологии в зарубежной историографии, безусловно, гораздо больше тех, о которых мы упомянули в данной статье. Цель последней состояла не столько в том, чтобы дать оценку современного состояния вопроса истории пенитенциарных реформ XVIII века, сколько в характеристике тех работ междисциплинарного характера, которые являются яркими примерами воплощения принципов «новой культурной», «интеллектуальной» или «другой социальной» истории.

Процессы функционирования и трансформации уголовно-исполнительной системы можно обнаружить на нескольких уровнях общественного дискурса: в сфере властных отношений, общественно-политической, идеологической и религиозной полемике, философских доктринах, произведениях художественной литературы с учетом доминирующих интеллектуальных тенденций изучаемой эпохи. Вместе с тем, приходится констатировать, что в отечественных пенологических исследованиях безраздельно доминирует политико-юридический аспект, непомерно изолированный от идейных комплексов и социальной среды, в которой эти идеи были укоренены и которая придавала им различное выражение. Обращая внимание на то, как далеко продвинулись зарубежные историки-пенологи, хочется выразить надежду на освобождение отечественного тюрьмоведения от «оков» политико-юридического подхода и ожидание появления аналогичных исследований, которые позволят реализовать интегративный потенциал современного социокультурного анализа.

---

[24] Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Вестник РОИИ. 2001. № 1. URL : http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf (дата обращения: 01.05.2017).

[25] Hardman Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England : Ph. D. thesis. University of Sheffield, 2007.

[26] Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории. С. 8.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Алексеев, В.И. Методологические аспекты изучения российской пенитенциарной политики (1872–1917 гг.) [Текст] // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 188–193.
2. Берк, П. Историческая антропология и новая культурная история [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html (дата обращения: 12.06.2017).
3. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы [Текст]. – М., 1951–1956. – Т. 1–5.
4. Гирц, К. Интерпретация культур [Текст] : пер. с англ. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 89.
5. Лавджой, А. Великая цепь бытия. История идеи [Электронный ресурс]. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. – Режим доступа : http://www.psylib.org.ua/books/lovejoy/txt01.htm (дата обращения: 10.06.2017).
6. Печников, А.П. Организационно-правовые основы управления тюремными учреждениями в Российском государстве (1649 – октябрь 1917 г.) [Текст]. – М., 2012.
7. Познышев, С.В. Основы пенитенциарной науки [Текст]. – М., 1923.
8. Пушкарев, Л.Н. Ментальность (менталитет) [Электронный ресурс] / Л.Н. Пушкарев, Н.Л. Пушкарева // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010513/1010513a1.htm (дата обращения: 23.04.2017).
9. Реент, Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России (1879–2009) [Текст]. – М., 2009.
10. Репина, Л.П. Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник РОИИ. – 2001. – № 1. – Режим доступа : http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf (дата обращения: 01.05.2017).
11. Репина, Л.П. Контексты интеллектуальной истории [Текст] // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной. – М., 2008. – Вып. 25. – С. 5–11.
12. Репина, Л.П. Теоретические новации в современной историографии [Текст] // Харківський історіографічний збірник. – 2010. – Т. 10. – С. 10–40.
13. Тальберг, Д.Г. Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем [Текст]. – К., 1875.
14. Фойницкий, М.Я. Учение о наказаниях в связи с тюрьмоведением [Текст]. – М., 1889.
15. Шартье, Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 66. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html (дата обращения: 10.06.2017).
16. Gaskill, M. Crime and Mentalities in Early Modern England [Text]. – Cambridge, 2000.
17. Hardman, Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England [Text] : Ph. D. thesis. – University of Sheffield, 2007.
18. Smith, G. Review of A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779, (review no. 882) [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.history.ac.uk/reviews/review/882 (date of access: 28.04.2017).
19. Throness, L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779 [Text]. – Aldershot, 2008.

REFERENCES

1. Alekseev, V.I. Metodologicheskie aspekty izucheniya rossiyskoy penitentsiarnoy politiki (1872–1917 gg.) [Text] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – N 2. – S. 188–193.
2. Berk, P. Istoricheskaya antropologiya i novaya kul'turnaya istoriya [Electronic resource] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2005. – N 75. – Mode of access : http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html (date of access: 12.06.2017).
3. Gernet, M.N. Istoriya tsarskoy tyur'my [Text]. – M., 1951–1956. – T. 1–5.
4. Girts, K. Interpretatsiya kul'tur [Text] : per. s angl. – M. : ROSSPEN, 2004. – S. 89.
5. Lavdzhoy, A. Velikaya tsep' bytiya. Istoriya idei [Electronic resource]. – M. : Dom intellektual'noy knigi, 2001. – Mode of access : http://www.psylib.org.ua/books/lovejoy/txt01.htm (date of access: 10.06.2017).
6. Pechnikov, A.P. Organizatsionno-pravovye osnovy upravleniya tyuremnymi uchrezhdeniyami v Rossiyskom gosudarstve (1649 – oktyabr' 1917 g.) [Text]. – M., 2012.
7. Poznyshev, S.V. Osnovy penitentsiarnoy nauki [Text]. – M., 1923.
8. Pushkarev, L.N. Mental'nost' (mentalitet) [Electronic resource] / L.N. Pushkarev, N.L. Pushkareva // Entsiklopediya. "Krugosvet". – Mode of access : http://www.krugosvet.ru/articles/105/1010513/1010513a1.htm (date of access: 23.04.2017).
9. Reent, Yu.A. Istoriya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii (1879–2009) [Text]. – M., 2009.
10. Repina, L.P. Intellektual'naya istoriya segodnya: problemy i perspektivy [Electronic resource] // Vestnik ROII. – 2001. – N 1. – Mode of access : http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf (date of access: 01.05.2017).

11. Repina, L.P. Konteksty intellektual'noy istorii [Text] // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noy istorii / pod red. L.P. Repinoy. – M., 2008. – Vyp. 25. – S. 5–11.
12. Repina, L.P. Teoreticheskie novatsii v sovremennoy istoriografii [Text] // Harkivs'kiy istoriografichniy zbirnik. – 2010. – T. 10. – S. 10–40.
13. Tal'berg, D.G. Istoricheskiy ocherk tyuremnoy reformy i sovremennye sistemy evropeyskih tyurem [Text]. – K., 1875.
14. Foynitskiy, M.Ya. Uchenie o nakazaniyah v svyazi s tyur'movedeniem [Text]. – M., 1889.
15. Shart'e, R. Intellektual'naya istoriya i istoriya mental'nostey: dvoynaya pereotsenka? [Electronic resource] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2004. – № 66. – Mode of access : http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html (date of access: 10.06.2017).
16. Gaskill, M. Crime and Mentalities in Early Modern England [Text]. – Cambridge, 2000.
17. Hardman, Ph.J. The origins of late eighteenth-century prison reform in England [Text] : Ph. D. thesis. – University of Sheffield, 2007.
18. Smith, G. Review of A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779, (review no. 882) [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.history.ac.uk/reviews/review/882 (date of access: 28.04.2017).
19. Throness, L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779 [Text]. – Aldershot, 2008.

S.A. Vassilyeva, I.M. Erlihson

NEW CULTURAL HISTORY (METHODOLOGICAL PROSPECTS OF INTELLECTUAL HISTORY AND HISTORY OF SOCIAL PRACTICES IN INTERDISCIPLINARY HISTORICAL-PENAL RESEARCH)

The paper presents an overview of cultural and intellectual history and a survey of foreign research works focusing on criminal justice system in Modern England. The analysis of these researches, which are based on the methodological principles of cultural and intellectual history, shows that cultural and intellectual history has a great potential to be realized in Russian penal research, which has traditionally focused on legal norms and justice institutions. Russian correctional system has always employed a political-legal approach, which imposes limitations on Russian penal history research. The authors maintain that by employing the methodological principles of new cultural history, scholars will be able to investigate various historical periods of the Russian penal system through the prism of social-intellectual, political-economic and socio-cultural research.

intellectual history, cultural history, ideas, mental history discourse, social practices, penology, penitentiary science.